

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ФИЗИЧЕСКОЕ ЛИЦО» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ОБЩЕНИИ

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, заслуженный работник высшей
школы РФ, член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@meil.ru

© Ольга Алексеевна РУДЕЛЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общей педагогики и образовательных
технологий, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

Предпринимается попытка защитить современный русский язык от различного рода засорений, которые пагубно действуют на языковую материю и разрушают правила говорения и письма на русском языке, приводя язык к постепенной деградации. И это касается одного из самых развитых языков мира! Конечно, всякого рода засорения русского языка производятся бессознательно. Но и школа ослабила свое положительное влияние на говорящих по-русски, а учебники по русскому языку никогда еще не были столь беспомощны и бесполезны.

Приведена критика в отношении включения в языковой обиход и в языковую практику абсолютно безграмотного и вредного термина «*физическое лицо*». Это выражение оскорбляет достоинство русского человека, приравнивает его имя к нижайшим по значению реалиям, которые действительно имеют предметный характер.

Вместе с этим представляется попытка усовершенствования русской теоретической грамматики, освобождения ее от отягчающих догм и бессмысленной зубрежки.

Ключевые слова: физическое лицо; предметность субстантивных слов; описательный и теоретико-информационный методы; экология языка и речи.

Посвящается профессору А.Л. Шарандину

*

Что бы мы ни говорили, ни знали и ни думали о русском языке, о его благозвучии и выразительности, всегда на ум приходит одна и та же мысль: *«Язык русского народа создан для возвышения Человека, и никто из тех, кто может каким-то образом влиять на судьбу русского языка, не имеет права свои возможности ставить во вред человеку, говорящему по-русски, думающему по-русски, чтущему законы русского языка и познающему посредством своего языка законы мирового порядка и общественной жизни, в которой он, кем бы он ни был, занимает не последнее место и играет заметную и важную роль».*

Именно поэтому нам и многим близким нам людям не вполне нравится запущенное с некоторых пор в речевой обиход выражение «*физическое лицо*». Это *двусловное слово* (термин, почти прозвище!) заставляет простого русского человека чувствовать себя чересчур уж *предметно, неодушевленно, да-*

же не физиологически, а прямо-таки физически: каменно, деревянно, железобетонно, подавленно, униженно и – второстепенно.

Для того чтобы понять причину такой подавленности, мы попробуем разобраться в русском слове *лицо* и в подаренном этому слову эпитете *физическое*. Могут ли по законам русского языка сосуществовать два упомянутых слова, составляя «*двусловный термин*» [3, 4], получивший неожиданно столь высокую частотность в речевом обиходе?..

У всякого человека есть *лицо* – что-то самое чистое, светлое, ясное, возвышенное, читаем на этот счет в известном Словаре лучшего русского лексикографа В.И. Даля, жителя XIX в. (кстати говоря, по национальности – немца) [5, т. 2, с. 258-259].

И вот, что пишет Даль о слове *лицо*: «*Лице*» («*лицо*», «*личико*», возвыш. знач. «*лик*»). Есть и сниж. знач.: «*рожа*», «*харя*» и т. п. Далее: «*Лицо, особа, человек*» (яркий пример семантического словообразования –

в духе В.М. Маркова¹ [6]). Здесь возможно, по Далю, двусловное выражение с эпитетом «частный» (т. 4, с. 583): «частный человек» – в отличие от «служебного человека» и т. п., соответственно: «частное лицо» и т. д.

Интересно и живописно у Даля определение слова «лицо»: «часть головы человека, ...от рубежа головных волос, до ушей и нижнего края исподней скулы: лоб, глаза, нос, уши, щеки со скулами, губы и отвесная часть подбородка...». Далее – очень интересное: «Физиономия, лик, облик, обличье, выраженье на лице духовных качеств. Лицо человека – представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разумление, разумное созерцание; уши – понимание и послушанье; нос – постиженье добра; щеки – постиженье духовных истин; рот – мысль и ученье; губы – духовная хвала; борода – внешность ученья и пр...» (с. 258).

Все эти качества бесспорны, и они предсказаны древней внутренней формой (по Гумбольдту [7]) и.-е.**lii-* (с однородным дифтонгом **ii*), который сохраняется как рефлекс *i* в русских словах: *липа*, *лист*, *лиса*; а в слове *лен* упомянутая внутренняя форма, будучи вариантом основной, содержала краткий **i*, представленный в др.-р. языке фонемой *ь* (*льль* <лен>). Инвариантное значение древней внутренней формы и ее рефлексов в списке приведенных слов: <белый>, <светлый>, <блестящий>.

Авторы, однако, предупреждают, что представленные здесь этимологии и сближения являются *внутренними реконструкциями*, построенными на основе индоевропейских открытий Ф. де Соссюра [8–11] и могут не найти аналогий и подтверждений в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера [12], отражающем сравнительно-исторические находки исследователей-этимологов прошлых поколений, в наше время уже не слишком убедительные...

Так или иначе, но у В.И. Даля никаких оснований для создания двусловного слова (термина) *физическое лицо* и для упоминания этого чудовищного образования в его Толковом словаре не было. Эпитет с внутренней формой «физика» Даль употребляет только применительно к выражению «физи-

ческая сила». У нас против такого употребления слова (термина) *физический* никаких возражений нет. А вот протест против термина *физическое лицо* в современном русском языковом обиходе только усилился...

*

Перенесемся, однако, из XIX в XX в. и заглянем в «Словарь русского языка», изданный в СССР в 1980-е гг. под редакцией А.П. Евгеньевой [14]. В XX в. языковая картина еще хранит возвышенное Далево представление *лица* русского человека и самого *русского человека*, хотя поэтический пафос в описании упомянутых реалий значительно снизился: «Лицо: Передняя часть головы человека...*Черты лица*. *Приятное лицо*...» (т. 2, с. 191). Далее: «З... с определениями, *отдельный человек в обществе; индивидуум. Частное лицо. Исторические лица*». Далее цитата из А.П. Чехова: ...Остров Сахалин: Ссылное население смотрит на меня, как на *лицо официальное*. Чуть далее: «*Должностное лицо* (в противовес *частному лицу*) и т. д.».

Термин *физическое лицо* первоначально возник в официальном языке – как чисто юридическое понятие (ср.: «*Лицо физическое* (в гражд. праве), термин, употребляемый для обозначения человека (*гражданина*) как участника правоотношения» [15, с. 728] – в антонимической паре с термином «*лицо юридическое*». Последнее определялось как «имя (в гражд. праве) *организации*, по закону являющейся субъектом (носителем гражданских прав и обязанностей)». В СССР таковые «*юридические лица*» обладали обособленным имуществом и имели определенные имущественные права и т. д.

Для нас, языковедов-русистов, чрезвычайно важно опереться на тот факт, что в обоих упомянутых словарях [14; 15] *юридическое лицо* определяется как <*организация*>, а *физическое лицо* – как <*человек, гражданин*>. Это значит, что у данных *двусловных слов* (терминов), представленных как якобы антонимическая пара, нет одинаковой (тождественной или конгруэнтной) *внутренней формы*. Это значит, далее, что термины *физическое лицо* и *юридическое лицо* не могут, по законам русского языка, составить *антонимическую пару*, т. е. в термине *юридическое лицо* неправомерным является сегмент *лицо*, а в термине *физическое лицо* таковым, т. е. неправомерным, является сегмент *физи-*

¹ Ни имени выдающегося ученого, основателя и главы современной Казанской лингвистической школы, ни его важного для науки открытия (семантическое словообразование) в «Большом энциклопедическом словаре» (см. [13]) не упоминается.

ческое. Термин *физическое лицо* следует отменить, упразднить, возродив старое, еще из Далеких времен, выражение *частное лицо*. Термин *юридическое лицо* также следует преобразовать, изъяв из него определение *юридическое*, поскольку это определение незаконно отнято у русского человека: его права, в конце концов, тоже юридически обоснованы. *Частному лицу*, по законам русского языка, могут быть противопоставлены только *официальные* или *служебные лица*. Официальные же конторы, общества, предприятия, имеющие *юридические права*, *лицами* именовать не следует.

*

Советские юристы до решения вопросов насчет *юридических* и *физических лиц*, подобно нашим решениям, могли и не дойти, не зная тончайших закономерностей русского языка, но Институт русского языка АН СССР устами своих выдающихся ученых, причастных к выпуску уже упомянутого «Словаря русского языка» 1981–1984 гг. (члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова, академика В.П. Обнорского, доктора филологических наук Ф.П. Филина и др.) должны были направить в нужное русло словотворчество юридических деятелей, которые наверняка бы пошли навстречу уважаемым всем народом выдающимся лингвистам СССР и не совершили бы тех грубых ошибок, которые мы отметили и описали в настоящей работе. Но дело в том, что у лингвистов-русистов было немало своих проблем и своих ошибок, как и «шедевров» в духе обидного термина-квалификатора *физическое лицо*.

Превращение, например, советской *теории частей речи* применительно к русскому языку из *формально-грамматической* (в духе Ф.Ф. Фортунатова [16]) в *семантико-грамматическую* (в духе Л.В. Щербы [17]), наряду с положительными моментами (например, разработкой теории объединения множества форм в одну лексему), возымело немало отрицательных качеств, наиболее опасным из которых было стремление навязать *субстантиву* («имени существительному»), занимающему, несомненно, *центральное* положение в системе частей речи русского языка, глобальную *предметную семантику*. Это было тем невероятнее и даже смешнее, что *<предметность>* пытались отыскать в

таких принципиально непредметных субстантивных словах, как *Бог, человек, птица* (ср. [18]).

Еще невероятнее, однако, было нахождение *<предметных>* значений в словах-предикатах типа *Бег, Уход* (ср. у Беллы Ахмадулиной такие дополнительно распределенные строки, как «*Мои друзья уходят*» и «*Друзей моих медлительный уход*» – с *<процессуальной предикативностью>*). И ничего страшного не происходило! Если нельзя было найти «чистой воды» *<предметность>*, находили *<опредмеченное действие>*, а в словах типа *правда* или *красота* улавливали *<опредмеченное качество>*; в словах же *степь* или *небо* – такое *<пространство>*, которое оказывалось *<опредмеченным>*.

Понятие *<предмет>* не поддавалось определению. В школах насчет *<предметов>* начали даже договариваться: «Договоримся: *людей, животных, растения* и *вещи* называть *предметами*». А насчет *уходов, красот* или *степеней* даже и договориться было невозможно. Тупиковое (в смысле теории) *<предметное>* представление субстантивов, помимо превращения науки о русском языке в чистейшую схоластику, имело и тяжелые нравственные и даже народно-хозяйственные последствия: приходится вспоминать гибель советских моряков в подводных лодках, которые невозможно было спасти... А уж по отношению к *<Богу>* и *<Человеку>* *<предметное>* было во всех отношениях кощунственно, и от него совсем недалеко было до *физического, предметно-вещественного лица*...

Труды в области русского языкознания выдающегося советского ученого В.В. Виноградова [19] были новаторскими для своего времени, и сейчас они еще не вполне реализованы и осмыслены. Речь в данном случае может идти об освобождении частеречного корпуса от вспомогательного отряда *предлогов, союзов и частиц*, которые ни до слов не дотягивали, ни до членов предложения. Вместо статуса «*части речи*» они получили второстепенный ранг «*частицы речи*», и в них, по крайней мере, уж *<предметность>* не искали. А в остальном все, как и было, так и осталось: та же *<предметная>* рутина, тот же гипноз знания «что такое *предмет*» и то же фортуновское нахождение субстантива по формам *падежа, рода* и *числа*. Плюс еще суррогатный вопрос «*в ком?*» / «*в чем?*» вме-

сто «где?» – в случае: «в поле», «в море» и под. – вот вам и «существительное», а значит – и <предмет>!

Над субстантивными словами висело проклятье <предметности>, и его невозможно было снять. Это проклятье было, однако, снято с существительных совсем не столичным человеком (принципиальным провинциалом), профессором педагогического института имени Алеку Руссо в молдавском городе Бельцы В.Н. Мигириным² [20]. Создав свою частеречную теорию, В.Н. Мигирин пришел к выводу, что существительное обозначает не только <предмет>, оно обозначает все, что только можно увидеть в частеречной семантике. Категорию <предметности> стало возможным оттеснить, освободив от нее по крайней мере все, что связывалось с <Человеком> и вообще с <Живым Миром>. Ее можно было не находить в субстантивных формах глагола, для которых придумывали неловкие названия – вроде <определенного действия>. Теория В.Н. Мигирин была названа *теорией переходности*. Ее уподобляли *трансформационному методу*, придуманному американцем Н. Хомским [21], подчеркивая все же независимость советского ученого от популярного американца. Но у самого В.Н. Мигирин это был замысел перехода от средневековых статических грамматик к новым, динамическим моделям. К сожалению, осуществить свой замысел нестандартно мыслящий советский ученый не успел, а в работах его учеников и последователей *теория переходности* все более отдалялась от идеи динамичности.

Вся беда В.Н. Мигирин в том, что он не представил себе фонологическую теорию Н.С. Трубецкого [22] как некий теоретико-информационный метод, универсальный и пригодный для работы в любой отрасли лингвистической науки. Это, кстати, было сделать трудно, почти невозможно. Имя Н.С. Трубецкого находилось после выхода его «Основ фонологии» в СССР (1960 г.) под некоторым запретом, и за пределами «фонетики» его методы исследования и описания лингвистических фактов не поощрялись. Однако в Тамбовском педагогическом институте (позже – университете) совершилось довольно рискованное предприятие: группа

² Ни имени выдающегося ученого, создателя весьма продуктивной теории переходности, ни каких-либо упоминаний об этой теории в Большом энциклопедическом словаре (см. [13]) нет.

молодых ученых, представителей тогда еще только рождавшейся в Тамбове *Лингвистической школы*³ [23], выступила с обоснованным требованием обновить способы изучения и описания частей речи русского языка, используя теорию оппозиций и нейтрализации Н.С. Трубецкого [24].

Частеречная модель, построенная по законам оппозиций и (это самое главное!) нейтрализаций в духе фонологической теории Н.С. Трубецкого, частеречную единицу «существительное» позволяет представить как постоянный немаркированный элемент (т. е. по отношению к глаголу, качественно-предикативному слову и двум наречным классам слов – *локативных* и *темпоральных*). Категория <предметности> в качестве релевантного признака субстантива фактически не действует, не играет никакой роли [25; 26]. Русское существительное характеризуется только отрицательными значениями частеречных признаков: <процессуальной предикативности>, <качественной предикативности>, <локативности>, <темпоральности> и <нумеративности> [27]. Такая картина позволяет сделать вывод отнюдь не о высшей содержательности субстантива, а о его абсолютно нулевой семантике в частеречных рамках. Часть речи *существительное* есть начало русской частеречной системы, т. е. *частеречный нуль* [28].

Сказанное здесь не означает совершенно то, что открытый нами языковой факт обязует думать, что русский субстантив вообще свободен от какой-либо семантики. Нет, не свободен: он набирает положительные и отрицательные значения, сталкивая внутреннюю семантику своих подклассов: «Бог», «Человек», «Животное» («Зверь» и под.), «Растение», «Вещь» (в т. ч. и «любой предмет»), «Вещество», «Машина» и т. д.

Для нас в данной работе более всего сейчас важна оппозиция «Человек → Предмет» (в немаркированном оппозите находим нечто <физическое>; в случае нейтрализации оппозиции слово *Человек* теряет признак <человечности>, и в нем остается (!), возникает принудительно <вещественность>, <предметность>, <что-то физическое>, вплоть

³ О Тамбовской лингвистической школе, о теоретико-информационном методе, применяемом тамбовскими лингвистами, о самих этих лингвистах и их новаторских работах в упомянутом Большом энциклопедическом словаре (см. [13]) никаких сведений не приводится.

до самого <низкого>: «Зовет король портного: / «Послушай-ка, чурбан!»...»

В случае «*физического лица*» мы имеем дело как раз с аналогичной, оскорбляющей достоинство нейтрализацией лексических оппозиций внутри субстантивного класса. Такие нейтрализации в общем допустимы и они отражаются в русских фамилиях, прозвищах и, видимо, даже в именах. Но они могут принести большие неприятности. И двусловный термин *физическое лицо* – одна из таких неприятностей!..

*

Итак, мы доказали недопустимость хождения термина «*физическое лицо*». Трудов и времени, как видите, потрачено немало. Но зато и открыто немало. Вспомните хотя бы о *частеречном нуле*. Какое облегчение принесет это открытие школьной работе! Насколько проще будет детям учиться русской грамматике. Но главное – даже не в этом. Главное – в том, что мы уже умеем находить языковые ошибки в различных неуклюжих словообразованиях, особенно *сокращениях* типа «ООО» или «ОАО». Это ведь тоже оскорбления русского человека. Попробуйте объяснить, что такое «ООО». Звоним по телефону тому, другому. Некоторые знают: «Это Общество с ограниченной ответственностью» – говорят. А другие – не знают. И – знать не хотят. Не русский это язык! Маяковский над таким языком смеялся (вспомните его *Главначтупса Победоносикова!*). А Гитлер мечтал о том времени, когда у русских людей не только лесов не будет и черноземных полей, но еще и языка русского не будет. Будут птичьи звуки вроде ОАО <*Открытое акционерное общество*> или уже упомянутое ООО. Включим радио, а там: ОАО, ООО. И – по несколько раз в течение какой-нибудь пустынькой передачи. А содержания – никакого! Сбывается твоя мечта, кровавый фюрер.

С некоторых пор нас стали приучать к птичьему пению «ОАО, ООО, ОАО!» Раньше мы просто называли свои учебные учреждения (то ли ОАО, то ли ООО) *институтом* или *университетом*. А теперь – шалишь. Прежде чем произнести «*Тамбовский государственный университет*» и добавить в честь кого и как он назван, нужно впереди нашего речения пропеть (это и не пение даже, а какой-то скрип! – даже не *скрип!*): «ФГБОУ ВПО». И попробуйте не пропойте,

не напишите, не узнайте у кого-нибудь сведущего, что такое «ФГБОУ». А это, господа физические лица, в общем ничего не значит: не станем же мы утверждать, что расшифровка «ФГБОУ ВПО» дает нам в результате <*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования*>! Дорого нам дается звание **Государственного университета**. А ведь где-то надо еще что-то добавить. Ну, там совсем немного: «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

1. Руделев В.Г. Исследование проблем экологии языка и речи (научный отчет) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. Вып. 1 (21). С. 10-19.
2. Руделев В.Г. Молитва о русском языке // Славянский мир. Духовные традиции и словесность: сборник материалов научной конференции. Тамбов, 2013. С. 117-123.
3. Руделев В.Г. Текст – предложение – слово (к реализации идеи космического синтаксиса) // Предложение и слово: международный сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Мякшева. Саратов, 2006. С. 14-17.
4. Руделев В.Г. Русский язык. Учение о предложении: учебник для 7–9 классов. Тамбов, 1992.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Копия изд. 1881 г. М., 1989.
6. Николаев Г.А. Виталий Михайлович Марков (1927–2010). Казань, 2011.
7. Humboldt W.v. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa. Bd. 1. Berlin, 1836–1839.
8. Соссюр де Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 302-561.
9. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
10. Руделев В.Г. Заметки о происхождении индоевропейских придыхательных согласных (Общие выводы из чтения работы Э. Бенвениста) // Руделев В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Мифы о редуцированных. Избр. произв. по историческому языкознанию. Тамбов, 2001. С. 90-92.
11. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (К реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010. С. 10-16.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2. С. 498-500.

13. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
 14. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.
 15. Советский энциклопедический словарь. М., 1979.
 16. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение / Фортуатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1.
 17. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
 18. *Руделев В.Г.* «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» // Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретьева. Воронеж, 2011. С. 244-253.
 19. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947.
 20. *Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отражения. Кишинев, 1973.
 21. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 2.
 22. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
 23. *Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделева О.А.* Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте сознания, времени и языка: сборник в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева. Тамбов, 2013. С. 14-22.
 24. *Дриняева О.А., Каменская Н.В., Руделева О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов, 1987. С. 115-123.
 25. *Руделев В.Г.* Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
 26. *Руделев В.Г.* Мимикрия в системе частей речи русского языка // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 132-140.
 27. *Руделев В.Г., Руделева О.А.* К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка («пространство» и «время» в поэтических текстах В.В. Маяковского) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 2 (118). С. 144-154.
 28. *Руделев В.Г.* Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13 ноября 2013 г. СПб., 2013. С. 374-382.
-
1. *Rudelev V.G.* Issledovanie problem ekologii yazyka i rechi (nauchnyy otchet) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2001. Vyp. 1 (21). S. 10-19.
 2. *Rudelev V.G.* Molitva o russkom yazyke // Slavyanskiy mir. Dukhovnye traditsii i slovesnost': sbornik materialov nauchnoy konferentsii. Tambov, 2013. S. 117-123.
 3. *Rudelev V.G.* Tekst – predlozhenie – slovo (k realizatsii idei kosmicheskogo sintaksisa) // Predlozhenie i slovo: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov / otv. red. O.V. Myaksheva. Saratov, 2006. S. 14-17.
 4. *Rudelev V.G.* Russkiy yazyk. Uchenie o predlozhenii: uchebnyy dlya 7–9 klassov. Tambov, 1992.
 5. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. Kopiya izd. 1881 g. M., 1989.
 6. *Nikolaev G.A.* Vitaliy Mikhaylovich Markov (1927–2010). Kazan', 2011.
 7. *Humboldt W.v.* Über die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa. Bd. 1. Berlin, 1836–1839.
 8. *Sossyur de F.* Memuar o pervonachal'noy sisteme glasnykh // Sossyur de F. Trudy po yazykoznaniiyu. M., 1977. S. 302-561.
 9. *Benvenist E.* Indoevropskoye imennoe slovoobrazovanie. M., 1955.
 10. *Rudelev V.G.* Zametki o proiskhozhdenii indoevropskikh prid'ykhatel'nykh soglasnykh (Obshchie vyvody iz chteniya raboty E. Benvenista) // Rudelev V.G. Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 5: Mify o redutsirovannykh. Izbr. proizv. po istoricheskomu yazykoznaniiyu. Tambov, 2001. S. 90-92.
 11. *Safonova O.V., Rudelev V.G.* Nazvaniya zhivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (K rekonstruktsii i germenevticheskoy obrabotke «Slova o polku Igoreve»). Tambov, 2010. S. 10-16.
 12. *Fasmer M.* Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M., 1986. T. 2. S. 498-500.
 13. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie / gl. red. V.N. Yartseva. M., 1998.
 14. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR; In-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1982.
 15. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1979.
 16. *Fortunatov F.F.* Sravnitel'noe yazykovedenie / Fortunatov F.F. Izbrannye trudy: v 2 t. M., 1956. T. 1.
 17. *Shcherba L.V.* Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M., 1957.
 18. *Rudelev V.G.* “Shepot, robkoe dykhan'e, trel solov'ya...” // Sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora A.A. Kretova. Voronezh, 2011. S. 244-253.

19. *Vinogradov V.V.* Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Moskva; Leningrad, 1947.
20. *Migirin V.N.* Yazyk kak sistema kategoriy otrazheniya. Kishinev, 1973.
21. *Khomskiy N.* Sintaksicheskie struktury // *Novoe v lingvistike*. M., 1963. Vyp. 2.
22. *Trubetskoy N.S.* Osnovy fonologii. M., 1960.
23. *Sharandin A.L., Piskunova S.V., Rudeleva O.A.* Tambovskaya lingvisticheskaya shkola // *V labirinte soznaniya, vremeni i yazyka: sbornik v chest' 80-letiya professora V.G. Rudeleva*. Tambov, 2013. S. 14-22.
24. *Drinyaeva O.A., Kamenskaya N.V., Rudeleva O.A.* Fonologicheskie metody, ikh universal'nost' i primeneniye za predelami fonologii // *Issledovaniya po russkoy fonologii*. Tambov, 1987. S. 115-123.
25. *Rudelev V.G.* Dinamicheskaya teoriya chastey rechi // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, 1996. Vyp. 1. S. 83-89.
26. *Rudelev V.G.* Mimikriya v sisteme chastey rechi russkogo yazyka // *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sbornik nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya yubileyu professora N.N. Boldyreva*. Tambov, 2005. S. 132-140.
27. *Rudelev V.G., Rudeleva O.A.* K utochneniyu nekotorykh polozheniy dinamicheskoy teorii chastey rechi russkogo yazyka («prostranstvo» i «vremya» v poeticheskikh tekstakh V.V. Mayakovskogo) // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, 2013. Vyp. 2 (118). S. 144-154.
28. *Rudelev V.G.* Ideya chasterechnogo nulya kak put' sozdaniya neprotivorechivoy i real'noy teorii chastey rechi russkogo yazyka // *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko): materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 13 noyabrya 2013 g. SPb., 2013. S. 374-382.*

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 81'367.7

ON THE QUESTION OF NEED TO USE THE TERM “PHYSICAL PERSON” IN RUSSIAN LANGUAGE COMMUNICATION

Vladimir Georgiyevich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Russian Language Department, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, Honored Worker of High School of RF, Member of Russian Writers Union, e-mail: ifg06@mail.ru

Olga Alekseyevna RUDELEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, General Pedagogics and Educational Technologies Department, Candidate of Philology, Associate Professor, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

There is an attempt to protect the modern Russian language from various kinds of blockages that are detrimental to the linguistic matter and destroy the rules of speaking and writing in Russian, leading to a degradation of language. And it's about one of the most developed languages of the world! Of course, all sorts of debris are produced in the Russian language unconsciously. But the school has weakened its positive impact on speaking in Russian, and Russian language textbooks have never been so helpless and useless.

The criticism towards the inclusion in language usage and language practice harmful and ignorant the term “physical person” is given. This expression violates the dignity of the Russian people, the name equates to the lowest value on the realities that are truly substantive in nature.

There is also an attempt to improve Russian theoretical grammar, release from aggravating dogma and senseless cramming.

Key words: physical person; objectivity of substantive words; descriptive information-theoretic methods; ecology of language and speech.